

Эти воспоминания я написала впервые, хотя после окончания войны прошло уже 75 лет. Я издала много книг и понимала, что нужно написать и о блокаде, но, каждый раз как я садилась за компьютер и начинала вспоминать своё детство, не могла сдержать нахлынувших чувств, и уходила от прошлого.

До войны мы жили в большой коммунальной квартире, где было 8 комнат. В каждой комнате проживала семья. На всех людей имелся один туалет. Можно представить, что происходило около туалета по утрам! Тогда я думала, что так живут все горожане.

Когда началась война, в квартире осталось лишь пять семей, в которых имелось четыре ребёнка, причём все дети были одного возраста. Вскоре две семьи с детьми уехали из города. В двух комнатах жили женщины, у которых мужья ушли на фронт. В одной, самой большой комнате этой квартиры проживали: мама, мы — двойняшки — я и мой брат, бабушка и дедушка — родители мамы. Наш папа ушёл на фронт добровольцем. В моей памяти сохранилось воспоминание, как его вдруг не стало. Мы спали на железных кроватках, у которых были завинчивающиеся шары. Однажды, когда я проснулась, у моей кровати вместо шаров были примотаны любимые нами сосущие конфеты — петушки. Я очень обрадовалась этому. Но мать с заплаканными глазами сказала, что это прощальный подарок папы, который, пока мы спали, ушёл на фронт.

В первые дни блокады, пока ещё оставались кое-какие запасы еды, всё шло по заведённому порядку. Но запасы очень скоро закончились, наступило голодное время, к которому прибавились большие холода, к нам переехали родители папы и родная сестра мамы. Мы разместились в нашей большой комнате, так как решили, что вместе жить теплее. В один из дней родители папы пошли взять какие-то вещи из своей квартиры и посмотреть, нет ли по их адресу писем от сына. Их долго ждали, но их всё не было. Наша вторая бабушка пошла узнать, что же случилось. Когда она подошла к их дому, то увидела вместо дома кучу кирпичей и прочего мусора. Она поняла, что, когда родственники находились в доме, в него попала бомба, и пожилые

люди оказались под грудой разрушений. ... От голода умерла сестра мамы, которой прочили большое будущее из-за того, что у неё был замечательный голос. Она умерла во сне. Мне запомнилось, что когда я проснулась, то, взглянув на свою красивую тётю, увидела её бледное лицо, по которому бегали вши. Затем умер дедушка. Одна за другой ушли женщины, остававшиеся жить в своих комнатах нашей квартиры. Их трупы вывезли какие-то незнакомые люди.

Пока оставалась в живых одна из наших бабушек, мама работала и приносила что-то из еды. Однажды она принесла клейстер. Бабушка обрадовалась и сварила из него суп. И, пока мы его ели, внезапно к нам нагрянули проверяющие с завода, где работала мама. Очевидно, кто-то увидел, как мама прятала клейстер, и доложил об этом. Мама испугалась, так как за это полагался расстрел. Но когда проверяющие увидели двух маленьких голодных детей, жадно уплетающих суп из клея, они сделали вид, что ничего не видят, и ушли. Проверяющие нас пожалели, но больше мама не приносила ничего. Вскоре умерла бабушка, и мы — я и брат — остались с мамой. Маме нужно было ходить на работу, где она работала на станке, хотя была дипломированным специалистом в области химии. Мы, четырех-летние, оставались одни в большой коммунальной квартире. Всё время хотелось есть, и мы все искали какой-либо еды. В один из дней мама пришла с работы и не узнала нас. Мы были с ног до головы в чёрной саже, так как от голода залезли в печку и съели из неё всю золу.

Пришло время, когда мы уже от голода не могли вставать. И тут нам повезло: на маминой работе подошла очередь к эвакуации. Так как вставать мы не могли, к нам на помощь маме выделили двух женщин, которые помогли собраться и повезли нас на санках к машине. Машина была с закрытым верхом и вся нагружена людьми. Мы были последними, кто в неё влез. От людей шло тепло. Мы отогревались и находились в каком-то полужабытьи.

Не помню, как мы тронулись, но когда оказались на замёрзшем Ладожском озере, я пришла в себя от неестественной тишины. Люди боялись разговаривать, им казалось, что от этого машина свалится в воду, так как мы уезжали в начале марта, когда лёд уже был не такой надёжный. Не помню, сколько времени мы находились в таком состоянии, но вдруг кто-то воскликнул, что нужно остановиться и взять со льда мокрых детей. Но останавливаться было запрещено, так как машина могла провалиться да и мест в ней не было. Я через дырочку видела этих мокрых замерзающих мальчишек, которым удалось выбраться из ушедшей под лёд едущей впереди машины.

Не знаю, что с ними случилось, но в моей памяти они сохранились до сих пор. Иногда они снятся мне по ночам...

Не помню, как мы добрались до берега, где нас стали пересаживать в «теплушки» — как тогда называли тёплые вагоны поезда. Так как мы не ходили, нас определили на верхние полки. Очевидно, мы дошли уже до высшей стадии истощения, так как уже не хотелось ни есть, ни пить, а только спать. Но спать не дала мама. Она достала воды и напоила нас. В руках у неё оказались кусочки чёрствого хлеба. По маленькому кусочку она засунула нам их в рот, и только тогда мы как бы пришли в сознание. То, что я увидела, заставило меня заплакать. В дверях теплушки стоял военный с ружьём и отгонял людей, пришедших с хлебом, которые, узнав, что здесь находятся вырвавшиеся из блокады ленинградцы, пришли к поезду с хлебом, картошкой и другой давно не виданной ими едой. Маленький кусочек был рассосан и проглочен. Захотелось ещё. Я заплакала, видя хлеб и невозможность его достать. Только потом мне объяснили, что, когда первые, приехавшие из Ленинграда люди, увидев еду, набрасывались на неё и тут же умирали от «заворота кишок». Тогда местные власти обратились к военным, и те выделили солдат для того, чтобы оградить голодных прибывающих из осаждённого города людей. Мне объяснили, что когда человек долго ничего не ест, его желудочек и все внутренности «усыхают» и когда он после длительного голодания сразу начинает есть, происходит заворот кишок, от чего он умирает.

Так мы оказались в Куйбышеве, где постепенно приходили в себя.

Мне очень запомнился день, когда мы возвратились в Ленинград в 1944 году. Всё было необычно: и пологая каменная лестница, по которой мы поднимались, и огромная комната с большими окнами. В окна я часто видела пленных немцев, которые проходили мимо нашего дома. Их выводили на работу по восстановлению разрушенных зданий...

Но больше всего мне запомнился замечательный салют по поводу Победы. Это было настоящее всеобщее чувство восторга по поводу свершившегося события. От этого и салют, проходивший над Невой, казался каким-то волшебством. Затаив дыхание мы считали каждый залп и любовались разноцветной россыпью огней.

Но потом наступила повседневная жизнь. У всех она протекала по-разному. Сегодня я понимаю, как искалечила война и блокада моё детство и юность. Я не знала, что такое мужчина в семье. Папу я не помнила. Мама работала по специальности химиком-экономистом. Её зарплата была небольшая. В моих воспоминаниях не сохранилось игрушек. Денег хватало только на минимальную еду...

Санкт-Петербург